

Юргис Казимиович Балтрушайтис

Горная тропа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ю66

Ю66 **Юргис Казимирович Балтрушайтис**
Горная тропа / Юргис Казимирович Балтрушайтис – М.: Книга по Требованию,
2012. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-2096-1

В 1912 г. вышел в свет второй сборник стихов Юргиса Балтрушайтиса — «Горная тропа». Поэзия Балтрушайтиса несла в себе печать пантеистического мистицизма. Огромное влияние на формирование его поэзии, как и на развитие всего русского символизма, оказала философия В. Соловьева.

ISBN 978-5-4241-2096-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

ГОРНАЯ ТРОПА

Марии Б.
I

Indi un altro vallon mi fu scoverto.¹

Dante

To see a world in a grain of sand...²

William Blake

Af klarsynt dröm, af matt förfnuft,

af eid och vatten, jord och luft³

Per Hallström

АЛЬПИЙСКИЙ ПАСТУХ

По высям снегами
Увенчанных гор,
Как в радостном храме,
Блуждает мой взор...
По склонам их вечным,
С межи на межу,
С напевом беспечным
Я стадо вожу...
На светлых откосах
Все глубже мой хмель...
От неба мой посох,
От неба — свирель...
Вне смертной тревоги,
Как ясность ручья,
От Бога — о Боге —
И песня моя...
Он тайною вечной
Мой разум зажег
И зов бесконечный
Вложил в мой рожок...
И свят над горами
Звон плача его,
Как колокол в храме
Творца моего...

НЫНЕ И ПРИСНО

A. Скрябину

Все, что трепещет иль дремлет
В тайном кругу бытия,
Строго от века объемлет
Мера моя.

Слитность и вздох одинокий,
Колос и цвет на лугу —
Смертные грани и сроки
 Я стерегу.
Тот, кто в незнаньи беспечен,
Тот, кто прозреньем томим —
Каждый незримо отмечен
 Знаком моим...
Правя земною игрою,
Вскинув-смиряя волну,
Я разрушаю и строю,
 Сею и жну.
Солнце в светающем небе,
Искра в ночной тишине —
Каждый раскрывшийся жребий
 Замкнут во мне.
Грянув, как молот суровый,
В вечном и щетном бою,
Я расторгаю оковы,
 Цепи кую.
Мука влекомых на плаху,
Ласка мгновений людских,
Все умолкает по взмаху
 Крыльев моих!

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ

To Edward Gordon Craig Esq.

Вначале был лишь сон весенний
 И тишина,
И не вскрывался трепет тени
 В судьбе зерна...
И в час расцвета, в час зачатий,
 Вступая в путь,
Еще без плача об утрате
 Взды малась грудь...
Еще в кругу забвенной неги
 Текли часы,
И пили стройные побеги
 Алмаз росы...
Но рог, зовущий тайну к яви,
 Все звонче пел,
И прогнул мир в лазурной славе,
 И день вскипел...
И — лишь дремавшая у Бога —
 Глухой волной,
Вошла великая тревога
 В простор земной...

И, тень познав, сквозь трепет боли,

Вилась тропа —

Туда, где меркнет стебель в поле

И ждет серпа...

ВОСХОЖДЕНИЯ

A. Скрябину

Плетусь один безлюдным перевалом,
Из света в свет — сквозь свет от вечных стен...
Неизреченно пламя в сердце малом
И тайный жар в душе неизречен!
Мгновения — как молнии... В их смене
Немеет вздох отдельности во мне...
И в смертной доле выше нет ступени,
И ярче нет виденья в смертном сне!
Ни жалобы, ни боли своевольной...
Ни ига зыбкой радости людской...
Лишь кроткий свет молитвы безглагольной,
И знание без мысли, и покой...
И снова дух, как пилигрим опальный,
Восходит в храм пророческой Молвы,
Где ширь земли — как жертвенник венчальный
Под звездным кровом Бога синевы,—
И где, вне смерти, тает в кротком свете,
В жемчужных далях безздны золотой,
Вся явь вещей и бренний труд столетий,
Как легкий дым кадильницы святой...

МОЛИТВА

C. A. Полякову

Забвенья, забвенья! Всей малости крова!
Всей скудной, всей жалкой отрады людской —
Усталым от дали пути рокового,
Бездомным, измученным звездной тоской!
Мгновенья покоя средь вихря мгновений —
Свершающим заповедь зыбкой волны,
Во мраке без искры, средь зноя без тени
Всей смертною кровью питающим сны!
Убежища бедной душе, осужденной
На горестный подвиг томленья в пыли,
И жребий изгнанья, и трепет бессонный
На вечном распутье в пустынях земли!
Ночлега влачащим свой посох железный
И боль и убожество смертной сумы,
И ждущим забвенья от выси, от безздны,
От горькой повторности света и тьмы!

КРУГ ВЕКОВЕЧНЫЙ

Валерию Брюсову

Близится ночь к рассвету...
Ясен шелест листвы...
Строится стебель к цвету,
Цвет лишь ждет синевы...
Ширит заря тревогу,
Зыбко искрясь в пыли...
Тянется сердце к Богу
С темным вздохом земли...
Льется, как пламя, в воды
Синий, радостный день —
Холит земные всходы,
В полдень, светлая тень...
Все, что цвело-боролось,
К часу тайного сна
Вскинулось ввысь, как колос,
С малой данью зерна...
Клонится путь к ночлегу,
Меркнет и тень и зной...
Слава дневному бегу!
Слава тайне ночной!

ВЕЧЕР В ГОРАХ

C. A. Полякову

Стелет, зыблет лунный прах
Тиши вечерняя в горах,
В сонном царстве вечных льдов,
Белых замков, городов...
Лишь средь каменных оград
Глухо воет водопад,
И белеют вдоль скалы
Пыльно взрытые валы...
Дремлют башни и зубцы...
Глухи храмы и дворцы,
И обходит их порог
Суэта людских дорог...
У ворот их, строясь в ряд,
Стражи белые стоят,
И сверкает их броня
Зыбью лунного огня...
Стелет звездный свой простор
Тиши вечерняя средь гор,
Где раскрылся под луной
Мир и холод неземной...

МОЩЬ МАЛОСТИ

K. Бальмонту

Мыслю все чаще
В свете мгновенья —
Выше и слаще
Путь отреченья!
Замыслы ломки,
Счастье хило...
В серой котомке —
Правда и сила...
Думы безродных
В мире утраты
Знанье свободных
Будут богаты...
В далях вселенной
Встретит бездомный
Мир неизменный,
Свет незаемный...
В пору недоли
В сердце усталом
Будут без боли
Слезы о малом...
Горечь тревоги
Воля осудит —
В смертной дороге
Смерти не будет!

КОЛОКОЛ

Валерию Брюсову

Высился, в славе созвучий,
С песней венчально-святой,
Колокол вещий, могучий,
В пламени утра литой...
В звоне на версты и мили,
В зове за смертный предел,
Сильный, гремел он о силе,
Тайный, о тайне гудел...
Много надежд заповедных,
Чаяний света во мгле
В трепете уст его медных
Стройно звучало земле...
Но, раздаваясь все строже,
Часа тоскующий крик
Отзвуком суэтной дрожи
В вечное пенье проник...
Тайная горечь без срока
Утренний звон облекла,
И — зарыдав одиноко —
Стала проклятьем хвала...

K. Бальмонту

Знаю цепи, помню крылья,
Миг победы, час господства,
Век бесплодного усилия,
Вечность пени и сиротства...
Помню золото рассвета,
Знаю дым и кровь заката,
Помню пламя, пламя цвета,
Трепетавшее когда-то...
Знаю, знаю кубок желчи,
Горечь смертного томленья,
Смертной жажды облик волчий,
Бледный призрак утоленья...
Знаю трепет солнца в пене,
Знаю гаснущие очи
И великие ступени
В беспредельность звездной ночи...

ГОРНАЯ ТРОПА

Alla Donna Eva Kunh-Amendola

Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругом... Напрасно
Дерзаю взглядом, в полдень, в час безгласный,
Хотя б на миг измерить круг земной
И все пыланье неба надо мной...
Лишь глубь... Лишь даль, где вьется путь мой малый,
Что я свершал, карабкаясь на скалы,
Хоть часто круты были грани их
Для слабых сил, для смертных ног моих...
Вот серый склон изведанный, откуда
Глядел я в ширь, возникшую, как чудо,
Чей пестрый мир уже неразличим,
Как все, что я считал в пути большим...
Вот часть стези, где слышал я впервые,
Как билась смерть о скалы вековые,
Сметая в дол, от грани облаков,
Утесы, зданья, кости смельчаков...
И снова даль! Мой взор уже бессилен
Проверить смену срывов и извилин,
Которых я почти не узнаю,
В безмолвии, где в полдень я стою...
И тщетно дух, от мига отрешенный,
За кругом круг, вскрывает мир бездонный,
Куда нельзя проникнуть светом в тьму
Тоске людской, гаданью моему...
И сколько б дум сознанье ни включало
В свой детский счет, их мера — лишь начало
Безмерности, где молкнут времена,

Как легким вихрем взрытая волна...

ПРИЗЫВ

A. Скрябину

Сквозь пыль и дым, и шум и звон
Взвивайся, Дух, прервав свой сон,—
И, весь — дыхание зари,
Над смертным жребием пари!
Над суетой сердец людских
И чахлою любовью их,
Над всем, что — горечь, трепет, бой,
Теряйся в бездне голубой,
И в синеве, где меркнет цвет,
Где ни луны, ни солнца нет,—
У зыбкой грани смертных дней,
За рубежом ночных теней
Увидишь Ты запретный край,
Где зреет звездный урожай,—
И — только пламя, только дух —
Рождаясь вновь, рождаясь вдруг,
Войдешь, тоскуя и любя,
Во храм Изгнавшего тебя!

ВИДЕНИЕ

A. Скрябину

Мелькает некий Храм святой
Сквозь дым времен...
От мира огненной чертой
Он отделен...
Юго святые алтари —
Как звездный щит,
Где ярче утренней зари
Потир горит...
Все пенье наших дум и слов,
Наш смертный жар,
В хвале его колоколов —
Один удар...
От слуха скованных в пыли
Их звон далек...
И ропот дня и гул земли
Его облек...
И вечность горьких ступеней,
Сквозь пыль, сквозь тьму,
Из мира скорби и теней
Ведет к Нему.
И лишь ценою всех тревог,
Всех слез, потерь,

Увидит мир Его порог,
Откроет дверь...

ДНЕВНОЕ СИЯНИЕ

A Giovanni Papini

В полдневный час, целуя алчно землю,
С молитвенной и трепетной тоской
Я славлю мир, и жребий свой приемлю,
И всякий долг, и всякий крест людской...
И знаю — : свят труд молота и плуга,
И праздный цвет, и важный звон серпа,
И свет росы средь утреннего луга,
Как вся земная пестрая тропа...
Все та же явь — : осенний вихрь над нивой
И стройный стебель в стройный час весны,
Седые думы старости ворчливой
И юных дней несбыточные сны...
Равно достойны света воздаянья —
Суровый пот к земле склоненных лиц,
В огне веков нетленные деянья
И мудрый лепет вещих небылиц...
Мгновенное и длительность без меры,
Объятое смятением и сном,
И зыбь полей, и в поле камень серый —
Живые зерна в колосе одном...

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

A Giuseppe Vannicola

Желтеет колос — пробил срок!
Угрюмый раб, готовь оброк...
Кончая труд, и стон и дрожь,
Богатства Бога приумножь!
С молитвой руки ввысь воздень,
И что поил ты в долгий день,
И что лелеял в час зари —
В земную меру собери...
Свой вечный вздох, свой горький пот,
И трепет всех твоих хлопот,
Твой долг Небесному Царю,
Неси к святому алтарю...
И вспыхнув сам в костре твоем,
Твой дым над жертвенным огнем,
Как малый дар твоих полей,
В вечернем зареве разлей!

ЗАБВЕНИЕ